

Теннадий Доронин

СВЕТ ЗЕМНОЙ

Перед тем как таймеру отсчитать два, ударили метеориты – один вслед за другим – два раза.

– Просто куранты, – сказал Алеша. – Кремлевский бой...

Анна не откликнулась, глядя на старую ветлу, склонившуюся над яром. Над рекой бродил утренний ветер и оставлял на воде узкую светлую дорожку ряби. Лет семь назад в такой дорожке Алеша ловил жерехов, смешно называя их шересперами, как местные казаки. Каждый раз, когда он подсекал спиннингом очередного шереспера, тот едва не на метр вылетал из воды, борясь за свою серебряную жизнь. Она радовалась рыбацкой удаче Алеши и немного жалела жерехов. Тогда в том краю еще не было заведено отпускать пойманную рыбу: она была вкусна, из жерехов получались замечательные балыки, да от ухи – с зеленым лучком, перчиком, с дымком – за уши было не оттащить.

– А вообще станция построена в таком месте, что метеориты здесь редкость, уж не знаю, как это рассчитали, – продолжил он. – За одиннадцать лет в крышу дома напрямую не ударил ни один метеорит. Но тем выше вероятность, что в один прекрасный – хм, прекрасный ли? – день станции достанется по первое число... И по второе тоже...

Она молчала.

– Сок березовый у нас еще остался? – спросил он. – Натуральный? Или только синтезированный?..

Она выключила подсветку голографического панно, и исчезли река, утренний ветер, и дорожка с рябью перестала светиться.

– Кажется, часы стали ходить медленнее, – продолжал он произносить необязательные слова. – А раньше время летело...

Анна достала из холодильника банку с соком. Натуральным. Пусть пьет, разве жалко? Налила в стакан, подала ему. Он взял стакан, зазвенел цепью.

«Совсем зарос, надо бы постричь его, – подумала она, глядя на его всклокоченную шевелюру, – но дастся ли он? Что у него на уме?»

Где-то совсем близко еще ударил метеорит. И еще один. Что-то зачастили они.

Она вошла в кабину лифта, нажала на верхнюю кнопку. Он крикнул ей вслед:

– Посмотри, какая там погода...

Лифт неспешно потащился, что-то в его механизме уже давно потрескивало, постанывало, он заметно убавил прыти; иногда она думала, что если он застрянет где-нибудь между тринадцатым и двенадцатым этажами, то на этом все и кончится. Некому будет ее вызволить. Хотя она знала, что у Алеши есть пилка для ногтей, и ночами он осторожно пилит цепь, скребется неслышно, как мышь, но ему на завершение этой работы понадобится не один месяц. Она не отнимала у него пилку, пусть играет, если ему так легче. Если находит волю пилить, значит, последняя надежда все-таки не оставила его. Хотя, наверное, он знает, что ей известно про пилку, но они оба молчат об этом, как и о многом другом.

Лифт все-таки добрался до купола дома. В этот час сквозь его прозрачные броневые плиты можно было увидеть, как над горизонтом поднимается огромный шар Земли – близкий, недостижимый, страшный. Казалось, стоит только прищурить глаза, как увидишь, что на поверхности планеты пульсируют моря, клубятся облака, сверкают молнии, бьются жилки рек, – и она каждый раз обманывала себя: при виде Земли глаза закрывала совсем – и видела грозу, которая застала их с матерью давным-давно у озера, берега которого заросли тальником и терном; а как они оказались в этом отгороженном от мира зелеными зарослями краю – она уже не помнила. Они собирали терн в оцинкованные ведра, ягоды были покрыты сизым налетом. В августе до спелости им было далеко, но и дочь, и мать время от времени бросали в рот эти жесткие прохладные ягоды; знали, что оскомины будут от них жуткая, но не могли удержаться – так освежающе терпок был сок ягод. И вообще, так чудесно было то лето, так длинен августовский знойный день, так бесконечна жизнь, что среди этого безмятежного существования казалось нелепым отказывать себе в ягодах из-за какой-то оскомины. Они набрали почти по ведру терна, когда ударила гроза. Они с матерью не могли и предположить, что белые кудрявые облачка, кружившие вокруг озера, накапливают в себе голубой небесный огонь вперемешку с градом, озерной водой. Наверное, каждое по отдельности облачка были безобидны, и когда они время от времени закрывали солнце, то приносили прохладу, облегчение, и тогда мать с дочерью вытирали вспотевшие лбы, говорили: «Хорошо-то как!»

Налетевший откуда-то ветер в минуту соединил облака в критическую массу грозовой тучи, и трескучая молния, как будто кто-то у них над головой яростно разодрал огромную сухую холстину, попала в самую середину озера, и тут же с противоположного берега помчалась полоса ливня, и казалось, что она торопится к середине озера, чтобы не дать загореться воде, пораженной молнией, но ливень не остановился на середине, а помчался дальше, шумя, как прибой, и они с матерью, зачарованные, смотрели, как лавина дождя наступает на них. И вот уже пригнули черные головы вековые осокори, легла прибрежная трава, заволновался тальник – и только тогда мать крикнула: «Ведро!» – и высыпала под ноги терн, и надела ведро на голову. Она вслед за матерью прикрылась своим ведром, и тут обрушилась на них заоблачная вода, и тут же смыла и унесла ягоды в озеро. В одно мгновение они промокли до нитки. Они побежали к деревьям, но следующая молния ударила именно туда, в секунду ветки самого большого осокоря занялись оранжевым пламенем, и страшно было смотреть, как дерево пылает под проливным дождем. Они с матерью все-таки осмелились укрыться под кроной одного из деревьев, а молнии каждое мгновение почти беззвучно вспыхивали в двух шагах

от них; шипение молний через минуту удивительным образом превращалось в раскаты и только тогда становилось страшным, ворчащим и угрожающим, а совсем рядом мерцающие молнии казались почти безобидными, может, потому, что дождь был теплым, с легким привкусом оскомины на губах.

– Железо притягивает электричество! – закричала мать, и отбросила ведро в сторону от себя. В минуту оно наполнилось пузырящейся водой.

Анна не стала снимать ведро с головы – еще никто не угадал, куда может ударить молния. Она была, наверное, фаталисткой. Не боялась летать самолетами – будет то, что будет, и не будет того, чего не будет, не пугала ее и темнота – там все то же, что и на свету. Страшилась она только одиночества, – да и кто его не страшится? – и кто знал, что оно выпадет ее лютой судьбой?

А еще Анна часто представляла другое лето. В тот год все почему-то опасались, что может наступить голод; он в их краях случался нередко – то правительство чего-то не рассчитает, то нагрянет война, то навалится саранча. И все бросились разводить огороды, выращивать картошку, бороться с колорадским жуком, ставящим под угрозу картофельное благополучие. Им с Алешей каким-то таинственным образом досталось три сотки земли, а может, и не таинственным – всем жаждущим выделяли? На участке был крохотный, с белеными стенами домик. Эти три сотки показалось ей огромной делянкой, и она принялась рассаживать астры, гладиолусы, ромашки, посадила даже березку – ни у кого на участке не было березки, и Алеша очень гордился березкой. А под картошку она отвела только одну сотку.

– От картошки толстеют! – улыбалась она.

Еще, конечно, посадила грядку редиски, грядку морковки, не забыла и про огурцы. Лето выдалось солнечным, жарким, дождей было мало, после них земля высыхала и трескалась, становилась похожей на крокодилью кожу. На участке не было ни колодца, ни подведенной воды, и она поливала цветы и грядки водой, которую они с Алешей приносили ведрами из небольшого пруда, до которого было не меньше получаса ходьбы. Так что на дорогу туда и обратно она затрачивала больше часа, потому что на обратном пути несколько раз отдыхала. Алеша обочивался с ведрами быстрее, оно и понятно – он мужчина сильный.

Цветы, как будто в благодарность за такой нелегкий уход, поднялись на загляденье. Особенно хороши были ромашки – на удивление крупные, едва заметно волнующиеся на своих высоких прочных стеблях; она уверена была, что в них крылась какая-то тайна, не та, что «любит – не любит», а какая-то другая, настоящая, волнующая. Каждая ромашка почему-то казалась ей похожей на желтый ревнивый глаз в обрамлении огромных белых ресниц – лепестков. Только к кому могли ревновать цветы? К лету? К Алеше, с которым ей нравилось заниматься любовью прямо среди бурно разросшейся зелени? У них был надувной матрасик, она бросала его между грядок и тянула мужа, а он шутливо отбивался, но не очень, так что всегда побеждала она. Стена цветов надежно закрывала от посторонних глаз, но стоны любви, наверное, слышны были далеко. Соседи с интересом поглядывали на странную пару. Алеша однажды спросил у нее: «Может, переместимся в домик?» Она заупрямилась: «Глупо приезжать на природу и прятаться от нее за стенами». И они продолжали заниматься любовью на надувном матрасике, окруженном ромашками, астрами...

Уродилась и картошка, они даже и не надеялись на это. Перемазавшись в земле, они выкопали, когда пришла пора, шесть огромных мешков крупных клубней.

Огурцов тоже выросло много, но все, как один, оказались кривыми.

– Какие-то огуречные бумеранги, – хохотала она. – Неужели они скривились оттого, что не их я ласкала так нежно?.. А тебе это нравилось?..

Когда это было? Цел ли теперь этот домик, растет ли что-нибудь на тех трех сотках, или пролегло там бетонное шоссе, или построен завод химических удобрений, или доползла до тех мест городская свалка?..

Анна с трудом отвела взгляд от диска Земли. Подошла к приборной панели. Она не поднималась сюда бесконечные десять дней, сдерживала себя в сумасшедшей надежде, что пока ее здесь не будет, все изменится, утрясется, оживет – проснутся приемники, факсимильные аппараты, спикерфоны. Она найдет здесь кучу лент с требованием немедленного ответа, сотни записанных на диски сообщений, графики посадки лунных модулей, списки очередных экипажей. Но еще в лифте – не чувство даже, не расчет, а, скорее всего, появившаяся с некоторых пор привычка к обреченности – вернула ее к действительности: конечно же, ничего наверху не изменилось: только уменьшился запас дыхательной смеси, запас продуктов... Все без отклонений.

Тридцать семь месяцев назад Анна сидела за мониторами посадочного терминала, отслеживая траекторию огромной стальной бочки – заправочной цистерны, которая должна была прилуниться через двое суток. Управляла бочкой ее давняя подруга Санни, и на самом деле рыжая, солнечная. Она, хохоча, рассказывала, что в Албене, на восхитительных пляжах которой она провела нынешним летом пару недель, познакомилась с красавцем – болгаринном. Бицепсы, трицепсы, бело-зубая улыбка – все было при нем, а еще много обаяния, умения угадать каждое желание женщины.

Анна всегда немного подтрунивала над Санни, поэтому спросила:

– Так уж и каждое?

– Можешь даже не сомневаться, – засмеялась Санни, – и я не стеснялась в выборе желаний... Например...

И тут она исчезла с экранов. Анна, улыбаясь, – все-таки Санни бесшабашная, – переключилась на резервный канал связи. Подруги не было и там. Не удалось найти ее и на всех прочих каналах.

Пропала не только она. Онемел, ослеп и оглох весь эфир. Еще минуту назад он говорил на десятках языков, шумел, пел, грохотал барабанами, что-то требовал, доказывал – и вдруг повисла полная тишина. Полная, если не считать эфирных потрескиваний, которые заставляли Анну каждый раз вздрагивать: вот сейчас прорвется лавина радио, вот сейчас Санни доскажет о своем романе с красавцем из Албены. Не прорвалась, не досказала.

Анна сутками не отходила тогда от приборов, сканировала голубоватую поверхность Земли, пыталась достать до атмосферы внезапно утраченной планеты зондами, чтобы хотя бы попытаться понять, что же такое приключилось на ней, но все было напрасно – Земля молчала. Как будто не было ее. Но она была – огромная, тяжелая, недоступная. Не пришел корабль за сменившейся командой станции, не прибыл очередной рейсовый челнок, а главное – они так и не дождались цистерны с горючим. Не дождались Санни. На станции, рассчитанной на десять человек, собралось семнадцать. Была надежда, что по графику придут аварийные ракеты с топливом, продуктами, кислородом, приборами и оборудованием: они всегда стояли на старте и в случае непредвиденных обстоятельств были рассчитаны на

автоматический запуск. Ракеты не пришли. Никто не паниковал, но никто больше и не смеялся. Тогда они уселись за расчеты: хватит ли оставшегося топлива, чтобы всем семнадцати вернуться в модуль, который доставил очередную смену на Луну? Компьютеры бесстрастно ответили: могут рассчитывать с восьмидесятипроцентной вероятностью на безаварийный старт, полет и посадку семеро человек, девятеро имеют половину шансов, если отправятся десятеро – сгорят над Землей.

Сразу родилось несколько идей. Первая: отправить женщин. Но таковых оказалось одиннадцать. Алеша мрачно пошутил: будем выбирать к отправке по релевантности или по возрасту? Или проведем конкурс «Мисс обреченность»?

Вторая: отправить только мужчин. Они скорее разберутся в том, что произошло, и вернутся с помощью. Женщины не согласились: каково оставаться одним на холодной, безжизненной Луне?

– Может, на Земле-то теперь ничуть не лучше? – сказал кто-то, и возражений не было.

Третья: уходить всем. Горючего хватало для того, чтобы попытаться добраться до одной из орбитальных станций, там дозаправиться и оттуда уже добираться до Земли или ждать помощи там. И хотя связи с орбитальными станциями тоже не было, предполагалось, что это происходит из-за неполадок на земных ретрансляторах. Но нашлись противники и у этого плана. Они говорили: случись какая-нибудь авария, и никто, даже чисто теоретически, не сможет прийти на помощь, никто и никогда не узнает, что произошло с ними.

Алеша с Анной и Лэндон с Сюзи стояли за то, чтобы никуда не лететь. «Всех запасов нам хватит примерно на четыре года, – говорили они, – за это время вполне можно попытаться наладить автономное обеспечение станции кислородом, водой... Тяжелее будет с продуктами, но в лаборатории есть семена злаковых, овощных – можно отвести под оранжерею весь верхний этаж... И вполне возможно, что к тому времени о нас на Земле все-таки вспомнят... если там есть кому вспоминать...»

Всерьез этот план не принял, кажется, никто. «Овощи-то нужно выращивать в грунте, в крайнем случае, на гидропонике... Ни того, ни другого у нас нет, да и воды для полива тоже...»

Дни шли, рождались новые варианты, тут же отвергались. В глазах у людей появилось странное выражение – так, наверное, смотрят вслед поезду, на который так торопился, но опоздал.

Модулем и его экипажем командовал Кватро, но экипаж станции возглавлял Исаков, отдельная группа ученых номинально подчинялась Лэндону, поэтому отдать хоть какой-то приказ было некому. В каждом углу станции собирались, распадались и собирались уже в иных составах нервные группы и группки совещающихся, обсуждающих, отвергающих. В коридорах и переходах станции стали появляться пустые бутылки из-под водки. Спиртное хранилось только на продуктовом складе, значит, кто-то сумел подобрать коды замков, и это было тревожным сигналом. Анна сменила коды, а на другой день обнаружила, что кто-то пытался взломать двери.

В тот же день вечером в своей комнате нашли тело оператора бурильной установки Найта: он вколотил себе в череп титановую заклепку из строительного пистолета.

И сразу на станцию вползло отчаянье. Оно давно подбиралось все ближе и ближе, его пустые глаза и раньше смотрели из каждого угла, а теперь оно заняло все пространство, прилипло, как потная одежда, к телам, заморозило души.

Вслед за Найтом как-то странно умер сетевой администратор Франц: не то перебрал снотворного, не то перепутал таблетки – никто не стал вдаваться в подробности. Анна только занесла в бортовой журнал дату смерти. Скорее по инерции, чем из необходимости. Для Анны становилось все яснее, что им никогда отсюда не выбраться. Никогда. И рано или поздно в купол станции попадет крупный космический камень, и отремонтировать этот дом будет некому.

После того как бортинженер Линор стала спрашивать у всех, где выход в сад, Кватро не выдержал:

– Завтра уходим, кто со мной – утром быть на старте!

Никто не произнес ни слова. Утром пришли все, но только девятеро облачились в скафандры. Обнялись:

– Мы вернемся! Обязательно! Дождитесь нас!

– Возвращайтесь! Прощайте!

– Прощайте!..

На второй минуте полета ракета взорвалась и распалась на тысячи сверкающих в земном свете осколков. В тот день Анна плакала в последний раз, не в силах отогнать от себя мысль, что девятеро в скафандрах просто убили сами себя.

Их осталось шестеро. Потянулись дни, недели, месяцы. В пустых коридорах и переходах станции вдруг стало жутко, все время хотелось обернуться. На дверях обитаемых отсеков Анна заметила электронные замки. Все чаще оставшиеся на лунной станции не отвечали на радиовывозы друг друга. А совсем недавно она обнаружила, что исчезли все резервные баллоны с дыхательной смесью, выкачан воздух из одного из дополнительных резервуаров. Кто-то запасался воздухом надолго. За счет других. Она не стала выяснять, кто решил прожить дольше всех, подумала: «Разве это имеет какое-то значение?» – и испугалась своей мысли. И внезапно поняла, что мысль эта – самая главная на станции. Совершенно все не имеет значения. Если оно лишено шансов на продолжение – оно бессмысленно. А бессмысленное – суть безумное... Скоро и она сойдет с ума, или?.. Или?

Что-то доселе незнакомое, щемящее-притягательное, теплое всколыхнуло ее... Неужели?..

Алеша взялся было за наладку кислородного генератора: о необходимости производства дыхательной смеси на месте говорилось давно, но пока считалось, что проще доставлять кислород с Земли, и сооружение генератора шло черепашими шажками. Однако вскоре Алеша перестал ходить в агрегатный отсек.

– Невозможное – невозможно, – сказал он. – Даже если мне удастся запустить машину, для ее работы не хватит энергии всей станции... А откуда возьмется сырье?..

Она обняла его:

– Милый, милый...

Хотела сказать «Только не падай духом!», но промолчала. Он стал много читать, потом взялся пересматривать видеотеку – ему нравились исторические ленты. На экране перед ним почти непрерывно мелькали крестоносцы, викинги, римские патриции. С некоторых пор стал отпускать бороду, и не сразу она поняла, что ему просто не хочется бриться.

Сюзи все чаще не выходила к завтраку, а иногда и к обеду. Антон, не расставшийся прежде с портативными шахматами, забросил их.

– Попал в вечный цейтнот, – объяснил он.

Его постоянному партнеру – Исакову – ничего не осталось, как играть с компьютером, без шансов на успех. Даже вничью он не сумел свести ни одной партии. Как-то, проиграв в очередной раз, он встал, откашлялся, словно собирался произнести большую речь, огляделся вокруг – все ли видят? – и ударом кулака разбил монитор. Поранил руку, кровь залила клавиатуру; он, не обратив на это никакого внимания, вторым кулаком вдребезги разнес клавиатуру. Только после этого сказал:

– Вот так!..

Как-то к ней постучался Антон, затеял разговор:

– Венец творчества, созданный по образу и подобию, наступил на косточку от вишни, поскользнулся, упал и умер... Или каша пересоленная была, да не в то горло попала – и готово!

– Не хорони его так скоро! – ответила Анна. – Ты же ничего не знаешь. Может, что-то с радио?.. Мощная магнитная буря... Солнце чрезмерно активное...

Он махнул рукой:

– Ты не хуже моего знаешь, что Солнце спокойно, никаких бурь... Наша внутренняя связь работает как часы, компьютеры регулярно обыгрывают меня в шахматы... Не обманывай себя: Земли больше нет.

Она инстинктивно подняла голову к потолку:

– Как же нет, она над головой?

Он тоже посмотрел наверх:

– Это не наша Земля... Просто незнакомая планета, не подающая признаков жизни... Не знаю, что случилось, но она мертва. Все приборы просто вопят об этом. Ночью в городах нет света, в атмосфере снижается содержание углекислого газа, что, вполне возможно, происходит от остановки всех автомобилей, заводов, кочеварок... А визуально заметно – полюса затягивает странная зеленоватая дымка... Что это? Ты видела?

Она увидела дымку давно. Сначала не придавала значения, так как почти незаметна была она в переменчивых красках близкой Земли, а потом направила на нее всю мощь анализаторов станции. Даже запустила последний зонд. Приборы не отметили никаких существенных изменений. Дымка становилась все плотнее, покрывала все большие участки, ползла по шапкам полюсов, как небывалая саранча.

– Если приборы не фиксируют эту ползучую мерзость, это означает только одно – мы столкнулись с чем-то неизвестным... Ни мы, ни наши приборы не знают, что это такое... И это неведомое покончило с жизнью на Земле...

– Но мы пока живы, – сказала без особой уверенности Анна.

– Пока, – сказал он и вдруг, наклонившись к самому ее уху, горячо зашептал: – Доигрались!.. Все к этому шло... Когда говорят «бесконечность», то воображения не хватает объять ее, как же можно без края? Произносят «смерть», то есть конец всему в тебе, и ты тоже отказываешься принять это... Так и живем посередине между бесконечностью и смертью, обманывая себя тем, что человек конечен, а человечество будет всегда. И, как червяки в яблоке, пожираем свою Вселенную, гадим в ней, вертим норы, тпщась забраться туда, где нам кажется послаще, называем это постижением мира, придумываем небылицы о нравственности.

бессмертной душе, но не останавливаемся – изо всех сил прогрызаем новые ходы, и не хотим замечать, что яблоко-то давно сгнило... И вот оно летит с ветки наземь, где на него сейчас наступит равнодушный сапог садовника – к чему ему гнилье?.. И все...

– О чем ты, Антон? – изумилась она.

– Мы сами себя убиваем, мы сами придумываем правила всех игр...

– Может быть, я позову Алешу? – предложила она. – С ним будет интереснее обсуждать эти проблемы?

– При чем тут Алеша? – закричал он. – Наконец мы готовы к постижению бесконечности... Значит, долой середину, прочь придуманную нравственность! Нас осталось четверо мужчин и две женщины... Мы можем стать прародителями нового человечества!

Она не удержалась, захохотала. Вот оно что! Такое пышное предисловие к такому простому содержанию!

Антон обнял ее, прижался губами к ее щеке:

– Давай, давай... Что еще нам остается?..

Она с силой оттолкнула его, он ударился плечом о приборную стойку и как будто пришел в себя. Потер ушибленное место, обронил «извини» и ушел. Она ничего не сказала Алеше, вообще никому, но, может быть, зря. Месяца через два к ней пришла Сюзи; перед этим она не показывалась недели три, что никого больше не удивляло: оставшиеся встречались все реже и реже, они и сами толком не могли объяснить, почему так неприятны им встречи с другими членами экипажа. Поневоле сталкиваясь иногда в длинных полутемных переходах, коридорах, они неизменно вздрагивали, как будто не предполагали, что здесь хоть кто-то еще может быть. Одиночество обволакивало их, словно саваном.

Сюзи попросила спиртного. Жадно выпила полный стакан вина. Потом захотела сигарету. Сосредоточенно дымила минуты три. Потом сказала:

– Ты знаешь, у меня роман с Антоном...

Анна подняла на нее удивленные глаза:

– Что?..

– Мы полюбили друг друга, ты можешь это понять?

– Думаешь, мне непременно нужно это понимать? – разозлилась она.

– Антон сказал, что тебе будет это интересно... ведь у вас с ним тоже были определенные отношения.

– Определенные? Кем?

Казалось, что Сюзи шутила, и вот сейчас она встряхнет кудрявой головой, захочет, и, может быть, спадет давно навалившийся на душу камень.

– Что нам осталось, что? – сказала она с интонациями Антона. – Мы – последние люди...

– А как же Лэндон? – спросила Анна, не удержалась.

– Он уехал, – коротко ответила Сюзи.

– Куда? – изумилась Анна.

– Я не стала спрашивать... Но мне показалось, что он очень расстроен...

– Что ты говоришь, Сюзи? Ты слышишь свои слова? – попыталась она пробить-ся к ее рассудку, но, должно быть, последние его крупинки уже покинули ее.

На губах Сюзи блуждала странная застенчивая улыбка; почему-то казалось, что она изо всех сил старается быть похожей на невесту, и ей это удается.

«Наверное, Бог лишает нас рассудка, чтобы мы не могли осознать весь ужас катастрофы, чтобы смягчить эту невыносимую боль?» – подумала Анна.

– Мы хотим оформить свои отношения, – сказала Сюзи.

Анна схватилась за голову и бросилась в шлюзовой отсек – как же она не догадалась заблокировать его? Ее худшие опасения подтвердились: скафандра Лэндона на месте не оказалось. Датчик показывал, что с момента последнего шлюзования прошло двадцать часов; запаса дыхательной смеси в скафандре могло хватить в лучшем случае часов на восемь... Даже если предположить, что Лэндон смог воспользоваться запасами воздуха в луноходе, то выходило, что в его распоряжении осталось не более двух часов. Она попыталась связаться с Лэндоном по видеофону – он не отвечал; включила обычный передатчик – в нем было только привычное потрескивание.

Она не стала долго размышлять, бросилась к ячейке со своим скафандром, облачилась в серебристый защитный костюм, причем ей хватило пяти минут, хотя обычно на эту процедуру у нее уходило не менее получаса. Она вышла на поверхность и только тогда подумала, что не уверена в том, что никому на станции не придет в голову заблокировать шлюзы. Анна даже не испугалась, только ускорила шаг. Вызвала по видеофону Алешу, постаралась спокойно рассказать ему, зачем она вышла на поверхность. Он испугался; она этого опасалась, но вообще не поставить его в известность не могла.

В ангаре, где стоял луноход, никого не было, но исчез из машины запас дыхательной смеси. И это ее немного воодушевило. И тут она вспомнила о старом аварийном модуле, который с незапамятных времен стоял на заброшенном пушковом столе; там когда-то проводились какие-то испытания, кажется, пытались проверить, сколько времени заправленная ракета может простоять в полной готовности. Ракету с одноместным модулем установили на стол, заправили, и она простояла лет десять. Потом попытались ее запустить в беспилотном режиме, но ничего не вышло. Что-то там отказало. Испытания с человеком на борту несколько раз откладывали, а потом вообще отменили. А потом проект вообще закрыли, потому, что к тому времени этот тип ракет безнадежно устарел. Стартовую площадку законсервировали вместе с ракетой, пусть еще постоит пяток лет. Но консервация, думала Анна, всегда означает забвение. Так и получилось. модуль торчал в полукилометре от новых посадочных и стартовых площадок, а его как будто и не было. О нем все позабыли.

Еще не доходя до старого старта, она поняла, что Лэндон здесь: перемигивались габаритные огоньки подъемника, кабельная мачта находилась в предстартовом положении. Она попыталась вызвать Лэндона по радио, он опять не ответил. Она добралась до двери стартового бункера, дверь бесшумно открылась перед ней. «Надо же, – подумала Анна, – пятнадцать лет не открывали ее, а она как новенькая! Умели раньше космическую технику делать... – И тут же поправила себя: – Ни тогда, ни позже не умели... Полагались на авось. Забрасывали людей на орбиты в скорлупках, величали их помпезно “космическими кораблями”, годами держали космонавтов в орбитальных станциях, как узников в тесных карцерах... Впрочем, так было не только в космосе...» Анна с горькой усмешкой отметила, что она давно уже обо всем говорит и думает только в прошедшем времени. Причем переход этот на глаголы исключительно прошедшего времени произошел в ней совершенно естественно, как само собой разумеющееся. Ну, кончится

натуральный березовый сок, будем пить синтезированный, нет больше никакого будущего, будем жить в прошлом...

В бункере приборы показывали, что включен весь комплекс предстартовых проверок. Работала и громкая связь с модулем.

– Лэндон, слышишь меня? – спросила она.

Он молчал с минуту, потом ответил:

– Не слышу...

– Это безумие, – сказала она.

– Конечно, – ответил он. – Мы сумели растянуть это удовольствие на месяцы... Сходили с ума в своих каютах, выли от бессилья в подушки, безнадежность наделяли чертами надежды... Ты сама все знаешь... Мы молились, мы богохульствовали, ненавидели то самих себя, то своих друзей, но ничто не могло принести утешения. Потому, что утешения больше нет. Потому, что мы стоим не просто на пороге гибели, мы все смертны... Мы накануне гибели. Гибели всего на свете... И мы, скорее всего, самые последние частички этого самого «всего на свете»... Поэтому нет больше никакого смысла все это продлевать...

Он помолчал с минуту, она тоже не находила слов, и он продолжил:

– А в моем случае даже какая-то надежда появляется... Вдруг все сработает, через трое суток на Земле окажусь... А там окажется все в порядке, у мамы на окошке герань цветет... Не знаешь, герань красными цветочками цветет?..

– Кажется, красными, – сказала она.

– И потом, ты знаешь, жена меня бросила, полюбила другого... Ты понимаешь, что происходит?..

Она опять промолчала.

– Я объясню, – сказал он. – Это игра в жизнь... А жизнь полна смысла, когда в ней куча глупостей, сумасшествий... Этой игрой мы пытаемся отгородиться от ада, который разверзся вокруг нас, а страшнее всего – внутри нас... Но от этого не спрячешься... Правда, ведь?.. Ты это знаешь, видишь?..

– Лэндон, мне очень жаль, – произнесла она. – Неужели нет надежды?.. Ни самой малой ее частички?

– Оставляю ее тебе, – ответил он. – Проверки завершены, стартую. Прощай!..

Она увидела, как отошла кабельная мачта, огненный смерч ударил из двигателей, и ракета, набирая скорость, пошла вверх. «Пусть все удастся! Пусть все...» – повторяла Анна, и корабль легко вышел на лунную орбиту, его стальную горошину она видела на экране. «Пусть!...»

Через час Лэндон вышел на связь:

– Это я...

– Как у тебя? – закричала Анна.

– Я хотел бы тебе соврать, – ответил он, – но твои мониторы следят за мной. Ты все равно это узнаешь. Маршевый двигатель не запускается...

– Что? Что?..

– Не запускается...

– Там должна быть дублирующая система запуска...

– Уже пробовал...

– Господи! Боже! – глухо произнесла она, он стал успокаивать:

– Через двенадцать часов попробую еще, как раз точка будет удобная для старта, а пока поковыряюсь в электронике...

Она знала, что в капсулах этого типа космонавт только статист, программа полета закладывается еще на старте, и ее практически невозможно изменить.

Она сказала кратко:

– Пусть все удастся...

Через двенадцать часов Лэндон сказал:

– Вот и все...

– Получилось? – закричала она.

– Нет, – ответил он. – Ничего не поделаешь...

Глупо было утешать его, предлагать попробовать включить двигатель еще раз, но еще глупее было молчать. Она же молчала, и он не окликал ее. Потом сказал:

– Я потерял спутницу, зато сам стал спутником... Навечно.

Он не преувеличивал: на этой орбите его металлическая тюрьма сможет вращаться вокруг Луны столетия.

Еще он сказал:

– В сущности, мы в одинаковом положении... Только я в космосе. Дыхательной смеси у меня почти на месяц, туб с едой еще больше, так что даже останется...

Она отправилась к Антону. Он долго не отзывался, потом сказал по громкой связи:

– Я занят!

– Чем? – спросила Анна.

Он молчал с минуту и наконец произнес:

– Почему мы все сошли с ума?..

Еще через минуту:

– Нужно обязательно найти ответ на этот вопрос... Он многое поможет понять... Ты ведь тоже?..

– Что «тоже»?

– Сошла с ума?..

– Ты открыть дверь не хочешь?..

– Нет, – ответил он после раздумья. – Может, это вирус такой завелся? Сумасшествия? Я опасаясь заразиться.

Анна хотела сказать «ты уже заразился», но пожалела его. Позвонила у двери Сюзи. Она тоже не открыла дверь, спросила:

– Кто?

Видеофон показывал ей, кто пришел, но, может быть, она уже не верила электронике.

– Анна...

– Извини, у нас не прибрано...

– Ты что, не одна?..

– Здесь я... – вместо нее откликнулся Исаков. – Прости... Мы не откроем...

– Лэндон ушел на старой ракете, – только и сказала она.

– Нам всем скоро уходить...

– Маршевые двигатели не включились, он стал спутником Луны. Запас воздуха на месяц...

Исаков вышел из отсека Сюзи, плотно прикрыл за собой дверь. Потухшим взглядом долго изучал ее, вымолвил:

– Странно даже... Ты как будто нормальна...

– Не слишком ли много говорится здесь о сумасшествии? – спросила она.

– Когда кончается страх, его место занимает безумие, – ответил он.

– Неужели ничего нельзя сделать для Лэндона? – спросила она.

Исаков пожал плечами:

– А можно что-нибудь сделать для всех нас?..

Он вернулся в отсек, и Анна услышала через открывшуюся на секунду дверь, как зашлась в рыданиях Сюзи.

Анна опять вызвала Лэндона:

– Захотелось услышать твой голос...

– Да?.. Тогда слушай:

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем...

– Мне очень жаль, Лэндон, – сказала она.

– Ничего... – откликнулся он.

– Мне нужно понять... – начала она.

– Исчерпаны ли были все возможности жизни? – продолжил он. – И не нам ли – кому-то из нас – выпадет доля новых Адама и Евы?

– Ты научился угадывать мысли?..

– Анализировать поступки... Зачем кто-то сволакивает к себе все дополнительные запасы дыхания, еды?..

Он помолчал немного:

– Не смерти боимся мы все, не только ее... Невыносимо понимать, что после тебя ничего... НИЧЕГО больше не будет... Ледяной космос, мертвая Земля... Никому не нужны книги, написанные тобой, никто не осознает пользы твоих открытий, никто не унаследует твой дом...

И вновь теплая волна всколыхнула Анну. И она перестала сомневаться: так и есть – подает о себе знать ее ребенок. У нее будет ребенок! Она задохнулась от счастья и отчаянья.

– Лэндон, я беременна... Тебе первому говорю об этом ...

– Я никому не проболтаюсь, – мрачно пошутил он, и добавил: – Бедная, бедная Анна...

С Алешей она пока не стала делиться новостью. Хотя он так хотел ребенка... Прежде... А теперь, когда зарос седой клочковатой бородой, не отходит от киноэкрана, почти не разговаривает с ней?.. Теперь, когда она рассказала ему о Лэндоне, а он только и заметил: «Бывает»?..

Она вспомнила, когда был зачат этот волнующийся у нее в животе ребенок. Это было как раз в те дни, когда взорвалась ракета с девятерыми. Анна с Алешей яростно бросались тогда в объятия друг друга, как будто хотели в наслаждении утишить отчаянье и боль, они занимались любовью ночами и по утрам, и днем Алеша тоже желал ее. Он целовал ее так, как будто хотел прикоснуться к ее душе, она отдавалась ему с неистовством обреченного. «Мы не любили тогда, – думала она, – это называется иначе. Мы пытались задушить в объятиях свой ужас... Что же мы зачали? Что может дать страх, смешанный с отчаяньем?... Не думать о скверном! – приказала она себе, и сама усмехнулась этому слову. – О скверном...» Не скверна, но пагуба...

Каждый день она разговаривала с Лэндоном и отмечала, что день ото дня слабеет его голос, словно ему тяжело произносить слова. Наверное, так это и было. А может, просто садились аккумуляторные батареи капсулы?..

На десятый день он спросил:

– Ребеночек брыкается?

– Брыкается, еще как!.. – сказала она, хотя до брыкания было еще далеко.

– Здоровенький!..

Потом он сказал:

– На Сюзи я не держу зла... Она больна. Когда-то была моей студенткой и так влюбилась в меня, по уши! Бегала за мной всюду. Я тоже полюбил ее... Наш сын – на Земле... Передай ей, что ничего не изменилось – я люблю ее...

– Хорошо, – сказала Анна. Она поняла, что он прощается.

– А тебе хочу сказать, – продолжил он, – что жизнь каждый день грозит стать смертью, но... но жизнь... не так хрупка, какой кажется... Прощай!..

Анна услышала в динамике легкий хлопок и поняла, что он разгерметизировал капсулу.

– Прощай, – прошептала она.

Двери в отсек Сюзи на этот раз были открыты, она сидела на краешке огромного кресла, как будто ожидала Анну.

– Мне Лэндон звонил, – сказала она. – Он благополучно добрался...

– Да, – ответила Анна. – Добрался.

Сюзи поднялась, зашуршала ткань ее роскошного платья, тяжелая зелень которого была заткана ночными марсианскими цветами.

– В городе, котором я родилась, сейчас весна, – сказала она. – Ты видела, как цветут каштаны?

– Видела, – ответила Анна. – У нас по весне цветут акации – миллионы желтых цветочков, а еще сирень... Не найти было такого дома, где сирень не стояла бы охапками. Какой от нее аромат!..

– Лэндон мертв? – неожиданно спросила Сюзи и, не дожидаясь ответа, сказала: – Конечно... Я знаю... Скоро мы все присоединимся к нему...

Анна обняла ее за плечи, шепнула:

– Не бойся ничего... Не бойся...

Сюзи смахнула слезу, попыталась улыбнуться:

– Я еще в прошлую нашу встречу поняла, что ты беременна... Хотя пока совсем не заметно... Глаза у тебя такие стали... лучистые, что ли... Походка осторожная... Я тогда спросила себя, почему среди этого безумия ты одна не потеряла головы? И догадалась: в тебе новая жизнь... Может, и вправду новая, не такая, как наша?..

Анна запрещала себе даже думать об этом, боялась сглазить неистовую эту надежду, поэтому перевела разговор на другое:

– Ты прекрасна выглядишь... Такое чудесное платье!

Сюзи еще улыбнулась:

– У нас сегодня небольшое торжество... Соберутся самые близкие... Вас с Алешей не приглашаем, извини... Ты ведь знаешь эти старые семейные праздники, на них только родня...

– Я понимаю, понимаю... – едва скрыла свое замешательство Анна.

«Чего в этом больше, – подумала она, – безумия или игры?» Она заглянула в глаза Сюзи, в их сумеречной глубине отражалась холодная металлическая ис-

корка: не замерзшая ли капсула, в которой проносился над поверхностью Луны Лэндон?

Анна ушла, не разгадав значение этой ледяной искорки. Она вспомнила о ней только через два дня, когда, безуспешно пытаясь вызвать Сюзи по видеофону, сама отправилась в ее отсек. Она позвонила, но никто не отозвался. Дверь была открыта, и она вошла.

Мертвая Сюзи в своем роскошном платье лежала на тщательно застеленной кровати. Рядом лежал со скрещенными руками на груди Исаков. На столике валялись шприцы, ампулы. На полу белел листок. Анна подняла его. «Уходим к Лэндону, – написано было рукой Сюзи. – Знаем, что в капсуле тесно, четверым будет неудобно, но потерпим – до Земли всего трое суток полета. Не печалься. Сюзи, Антон, Исаков».

«Четверо?.. – не сразу поняла она. – Почему четверо?» И только когда еще раз прочитала имя Антона, невольно стала оглядывать отсек, ища глазами его самого или его тело.

Анна с Исаковым лежали так, что угадывалось между ними место еще для одного человека, но человека этого не было. «Антон сделал им смертельные инъекции, а когда дошло дело до него самого – смалодушничал?» – догадалась Анна.

Она принялась вызывать его по всем видам внутренней связи, по всем каналам. Он не откликался.

«Выйти наружу он не мог, я заблокировала шлюзы, – размышляла Анна, – значит, он на станции».

– Антон, ответь!.. Пожалуйста!..

Динамики молчали.

Тогда она начала исследовать станцию – этаж за этажом, закрывая осмотренные отсеки на кодовые замки. Антона не было нигде... Она терялась в догадках: может быть, он в технических отделениях? Но там содержание кислорода понижено, долго не продержишься. Или его занесло на самые верхние этажи, где сосредоточены лаборатории, обсерватория, пульта дальней космической связи? Чем дальше она его искала, тем большая тревога овладевала ею.

После «погребения» тел Сюзи и Исакова в морозильном боксе Алеша как будто вышел из оцепенения, перестал непрерывно просматривать фильмы про рыцарей и королей, побрился. Иногда он даже подходил к приборам, что-то записывал в журнал наблюдений. Хотя по-прежнему он почти не разговаривал с ней, Анна стала надеяться, что кризис у него прошел. «Сказать ему о ребенке или пока не торопиться?» – размышляла она, и сама себе не могла объяснить, почему никак не решится объявить ему это. Все внутри ее противилось этому; может, теперь рядом с ней жил не тот Алеша, который когда-то радостно и увлеченно ловил в Урале шересперов?

Но однажды за обедом он спросил как бы невзначай:

– Ты коды от замков записываешь?..

– Нет, на память надеюсь, – ответила она. И насторожилась. Совсем не случайно он спросил про коды. Что у него на уме?

– Не ровен час, забудешь, замков-то вон сколько навесила, – сказал он, старательно не глядя на нее...

– Не забуду, – сказала она. – Замков много, а код один...

И не сразу Анна поняла, что как будто бросила ему вызов. Прежде она часто в качестве кода применяла какую-нибудь дату из их совместной жизни, и Алеша знал это. Долго ее персональным кодом были инициалы Алеши и день, месяц и год их свадьбы. Теперь она выбрала другую дату и другие инициалы. Должен родиться мальчик, загадала она. И получит он имя – Его инициалы, предполагаемый день рождения и стали кодом.

– Где же Антон? – сказал Алеша, и она удивилась его многословию. – Может мне поискать его? Ты хорошо смотрела в заблокированных отсеках? Может, посадила беднягу под замок?..

Он даже попытался улыбнуться, но такая мука обозначилась на его губах, что она поняла – он что-то задумал. И она решилась.

– Алеша, – сказала она, – у нас будет ребенок...

Он посмотрел на нее пристально, словно хотел проникнуть взглядом туда, где находился этот ребенок, но, судя по его недоуменному взгляду, ничего не разглядел и, задумавшись на минуту, продекламировал:

Во Вселенной наш разум счастливый
Ненадежное строит жилище,
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем ее.
Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой.
Никуда выгибается пленка
На орбите его круговой.

И Анна поняла, что мозг Алеши больше не может воспринимать ничего, что не относится к катастрофе. Она ужаснулась, пытаясь представить мир, в который помещает его теперешнее сознание: черное одиночество, пустота, ледяной огонь и тоска, бесконечная, как мертвый космос...

Однажды ночью она проснулась от легкого шелеста страниц. Алеша сидел за письменным столом и при свете крошечного фонарика просматривал ее личный экспедиционный дневник. Она поняла: он не поверил ей и ищет записи кодов.

– Алеша! – окликнула она его.

Он едва заметно вздрогнул, повернулся к ней.

– Пойми, – сказал он, – ведь, по сути дела, ты посадила меня под домашний арест. Большинство отсеков заблокировано, кругом кодовые замки... Разве тебе поручены были полицейские функции? Разве ты завхоз?.. А где тот консилиум, который вручил тебе диагноз, согласно которому ты всех нас объявила сумасшедшими?.. Всех, конечно, кроме себя... А я не хочу, не могу жить в этом ошейнике... Как не захотели все прочие – Лэндон, Сюзи, Исаков...

– Ну и что ты хочешь? – спросила она, и тогда впервые у нее промелькнула смутная мысль о титанитовой цепи, которой скрепляли контейнеры в грузовых отсеках ракет.

– Свободы выбора, – ответил он. – Это ты понять можешь?..

– Свобода в тюрьме – это свобода умереть, другой здесь не дано...

– Но ее я должен выбрать сам. Сам!.. Цепляться ли изо всех сил вместе с тобой за возможность оттянуть неизбежное, каждый день подсчитывать, сколько же осталось макарон, консервов, квашеных огурцов и замирать от ужаса, пере-

ворачивая каждый очередной листок календаря: все меньше, все меньше, все меньше остается минут и секунд, – или в одно мгновение избавиться от этого унижительного ожидания... Вот и Антон сбежал, чтобы не жить по-твоему...

– Я найду его, – сказала она. И в ее голосе прозвучала изумившая ее самую решительность.

Она стала спать вполглаза, прислушиваясь к каждому шороху. Алеша старался не делать резких движений, ходил мягко, словно ему хотелось быть невидимым и неслышным.

Анна по-прежнему искала Антона. Однажды ей даже удалось засечь по приборам, что в одном из технических отсеков включался генератор, в другой раз в компьютерном терминале она нашла листок бумаги с какими-то вычислениями. Но, возможно, бумажка там лежала с незапамятных времен. «Он не смог убить себя, – размышляла Анна, – вряд ли только из малодушия... Неужели и в нем жизнелюбие сильнее ужаса еще невиданного одиночества?.. Или что-то другое?..»

И она искала его.

Взрыв застал ее в библиотеке, единственном помещении, не оборудованном постами с кислородными масками. Пол вырвался у нее из-под ног, ходуном заходили стены, посыпались со стеллажей книги. Первой ее мыслью была: «Метеорит!» Произойди сейчас разгерметизация станции – гибель была бы неминуемой. Она бросилась в приборный отсек на верхнем этаже станции. Лифт скрипел, стонал, еле полз. Скорее, скорее! Одного взгляда на панель было достаточно, чтобы понять: никакого метеорита не было, взрыв произошел на нижних этажах станции.

Она облачилась в легкий вакуумный костюм с маской для дыхания, подумала – и взяла пистолет, взвесила его на руке и двинулась вниз по лестнице, отказавшись от лифта. Снизу валили клубы серого дыма, выла одинокая сирена, раздавалось шипение в трубопроводах автоматического пожаротушения. Видимо, важнейшие системы жизнеобеспечения не были выведены из строя.

На третьем этаже у покореженной стены кислородохранилища лежал оглушенный взрывом Алеша. В одной руке у него был ключ от взрывателя. Анна поняла: он пытался лишить станцию самого главного – дыхания. Но слабой геологической взрывчатки оказалось это не под силу.

Она приподняла его, он застонал, открыл глаза, прошептал:

– На этот раз не вышло...

– Мы будем жить, – сказала она.

Он закрыл глаза и покачал головой:

– Нет...

Он поднялся на ноги, увидел в ее руках пистолет, сказал:

– Ого! Ты вооружена. Защитница жизни...

И, не очень твердо держась на ногах, двинулся в жилой отсек. Оглянулся на нее, помахал рукой, спросил:

– Убьешь, если что?..

И вошел в лифт. Тогда она все решила. Она не позволит ему уничтожить станцию, не даст убить ее и ребенка... И Антона, почему-то скрывающегося от всех... или только от смерти?..

Транквилизаторов, антидепрессантов, снотворных средств в аптечке было достаточно. И в докатастрофные времена они были необходимы. Космос, внезе-

мелье – лучшее место для сумасшествия. Она выбрала самое сильное снотворное – пусть поспит вельсть.

Едва вошла в отсек, как Алеша попросил свой любимый натуральный березовый сок. Она тоже его любила.

Он выпил целый стакан, отвернулся, устроился в кресле у киноэкрана, включил римскую жизнь. Легионы маршировали по направлению к Галлии.

Она оставила его, спустилась в грузовой отсек, а потом в механический. Выбрала длинную титанитовую цепь, приварила к ней согнутые полукругом металлические пластины с отверстиями для заклепок, обработала их наждаком – чтобы не натирали лодыжки.

Когда вернулась назад, Алеша спал. Она потормошила его – никакой реакции...

Когда он проснулся почти через сутки, то, как ей показалось, не очень удивился появившимся на ногах кандалам и цепи, один конец которой был намертво прикреплен к металлическим трубам отопления. Простор для передвижения его был вполне достаточным – он легко мог попасть в туалет, к телевизору, дотянуться до компьютера.

Анна боялась взглянуть ему в глаза. Но он спросил спокойно:

– Теперь сидеть мне в цепях до скончания мира – в самом прямом смысле?.. Так тебе спокойно?..

Анна подумала, что, лишив его возможности передвигаться, где ему вздумается, она положила конец и его терзаниям – выбора нет, чего теперь мучиться?.. И действительно, Алеша как будто смирился, ни разу не пожаловался на ее коварство.

Так прошло три недели.

В последнее время она все реже и реже поднималась под купол станции, а когда, наконец, собиралась, то пристально смотрела, как неярким земным свечением озаряются мрачные кратеры, у недалекой гряды черных валунов появляются длинные тени; пыталась рассмотреть в игре света хоть намек на какое-то движение; вот черный свод неба перечеркнула низкая звездочка, у нее в какой уж раз екнуло сердце: вдруг все-таки ракета?.. Нет, траектория слишком крута – метеорит...

Она проверила и записала показания всех приборов, еще раз взглянула на земные полюса, затягивающиеся таинственной зеленой дымкой, и нажала на кнопку лифта. Однако двери лифта не открылись – кабина оказалась внизу. Кто ее вызвал?..

«Антон? – подумала она. – Наконец-то...»

На настенном табло побежали светящиеся цифры – 5, 6, 7... 11 – кабина поднималась.

Анна невольно подобралась, насторожилась. Подумала: «Хорошо, что взяла с собой пистолет! ...Почему – хорошо?»

Дверь открылась, лифт был пуст.

Она с опаской вошла в кабину, осмотрелась – никого... Странно. Она нажала на нужную кнопку, и лифт пошел вниз. Движение его было бесконечным. Казалось, что скрипел и стонал он больше обычного.

– Давай, давай же! – шептала она. И все же то, чего она опасалась больше всего, произошло. Кабина дернулась, провалилась, но тут же замедлила падение, еще дернулась и остановилась. Табло показывало: пятый этаж. Анна испугалась, и этот испуг холодом разлился по животу.

Она попыталась руками открыть створки дверей, и это ей удалось на удивление легко. Но за створками была узкая темная бездна, где-то в глубине тлели желтые огоньки. Вниз спуститься было невозможно. Она вспомнила кинофильмы, герои которых легко выбирались из сломанных лифтов через верхние люки, посмотрела на потолок: люк был, но как добраться до него?.. Она подпрыгнула и кончиками пальцев достала до люка. Подпрыгнула сильнее, сумела ударить по люку сжатым кулаком. Люк не подался.

Раздался щелчок, включился динамик. Алеша сказал:

– Привет, это я... Удивлена? Наверху все нормально, погода не изменилась?..

– Неужели пилка? – не сдержалась, спросила она.

– Не пилка, а воля к воле... Так бы я сказал...

– Что ты собираешься делать?..

– Долго держать тебя в этой кабине не буду, но часок подождать придется..

Пока я все не подготовлю...

– Не решай все один, – попросила она его. – Неужели ты не понял, что у нас будет ребенок?.. Даже если есть один шанс из миллиона, им нельзя пренебрегать...

Динамик выключился.

Она достала пистолет, прицелилась в самый центр люка, выстрелила. Люк осыпался вниз пластмассовыми осколками. Она напрягла все силы, еще раз подпрыгнула, ухватила пальцами за кромку люка, подтянулась, но только сумела выпянуть наружу: черные тросы уходили вверх, а чуть выше кабины она заметила в шахте дверь. Но как выбраться из кабины?..

Анна подпрыгнула еще раз: нельзя ли зацепить за болты, крепящие тросы, ее одежду?..

На ней был алый комбинезон, на Луне почему-то любили все яркое...

Она сбросила комбинезон, еще подтянулась до люка, попыталась укрепить лямки одежды за болты. Ей это удалось только на пятый раз, когда она, глотая злые слезы, стонала от напряжения. Она уселась на пол кабины, закрыла глаза, произнесла негромко:

– Да, да, да!..

Она не знала, к кому обращала это свое «да!», не знала точно и что оно значит, ей было достаточно не смысла, а твердости, в нем заключенной.

– Да!

Она подпрыгнула, ухватила за комбинезон, подтянулась – и еще, и еще – и через минуту уже стояла наверху кабины. Дверь в шахте была на уровне ее пояса, она без особого труда развела ее створки, оказалась в коридоре пятого этажа.

Она медленно стала спускаться по лестнице: четвертый этаж, третий... Никого. Второй этаж... Пусто. Первый... Алеша сидел на полу у электрогенераторного отсека. «Боже, как много у станции уязвимых мест! – подумала она. – Без электричества не продержимся и пару часов».

Она навела на Алешу пистолет, сказала решительно:

– Поднимайся и медленно отходи от двери в отсек!..

Он словно ожидал ее:

– Ты в таком виде! Соблазнительно для мужчины, просидевшего почти месяц на цепи...

– Отойди от двери! – повторила она.

Он не сдвинулся с места.

– Это блеф, – сказал он. – Ты никогда не выстрелишь, не ты ли недавно говорила, что мы будем жить?..

– Ответь мне только на один вопрос: почему ты так хочешь умереть? – спросила она.

– Потому, что я не могу ответить на вопрос: почему я должен жить?

– Но почему и мы должны уйти вместе с тобой, почему? Неужели ты не понимаешь, что ты болен?.. Я не знаю, что это за болезнь такая навалилась на станцию, но уверена – это какое-то расстройство психики, послекатастрофный синдром... Попробай осознать это...

Он поднял руку, и она увидела в ней серебристый пульт.

«Он успел заминировать отсек!» – мелькнуло у нее в голове. Алеша направил пульт в ее сторону, нажал на кнопку. Палец Анны на спусковом крючке отреагировал мгновенно, и грохот выстрела перешел в грохот шагов римского легиона: позади нее на стене включился телеэкран с очередной исторической картиной. Анна поняла, что в руках у Алеши был обыкновенный телевизионный пульт. Она пронзительно закричала и бросилась к нему.

– Я выздоровел, – прошептал он. – Но, кажется, поздно...

И он упал...

Как она кричала, как в кровь искусала губы, как прижимала горячий ствол пистолета к обнаженной груди и не смогла еще раз нажать на курок, как перетаскивала тело Алеши в морозильную камеру, как мертвецки напилась коньяком – об этом она вряд ли станет рассказывать сыну, когда он родится, подрастет. Да и было ли это? Было?.. Когда?

Она перестала подниматься вверх, под купол. Лифт не работал, а пешком преодолевать лестничные марши ей становилось все тяжелее. Да и к чему? Она перестала пить натуральный березовый сок, не включала больше фотопанно с речкой, серебристой дорожкой...

Она разработала строгий распорядок дня: подъем, зарядка, завтрак, уборка, работа с приборами, заполнение журналов, обед... – по часам и минутам, и не разрешала себе нарушать его.

Однажды она отметила, что ребенок в ее чреве впервые пошевелился. Точно, точно! Она прислушалась к этому новому для нее ощущению, улыбнулась. Пинается, кроха! Вот еще раз, и еще!..

Тогда она вспомнила об Антоне, скрывающемся в недрах станции. И опять начала его искать. Ей даже показалось, что его обнаружение – неперемное условие жизни брыкающегося в животе ребенка. И ее собственной. Найти! Найти! Пока он не натворил непоправимого!..

И она искала. Методично, не спеша... Времени у нее было много. Запасов им хватило бы еще надолго, очень надолго, ведь их так мало... так немного... не очень много...

Боже, но куда же запропастился этот человек?

Куда человек подевался?

Над прозрачным куполом станции таинственно мерцала Земля...

